

**СИБИРСКИЙ МОНАСТЫРЬ И ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО:
ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТОМСКОГО ИОАННО-
ПРЕДТЕЧЕНСКОГО ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ)**

Н. И. Сазонова

Томский государственный педагогический университет, Россия
nataly-sib@mail.ru

Е. Р. Феңдель

Томский государственный педагогический университет, Россия
efendel@yandex.ru

М. В. Артамонов

Томский государственный архитектурно-строительный университет,
Россия
max271968@rambler.ru

Я. Ю. Шкляр

Томский государственный архитектурно-строительный университет,
Россия
yaroslava.shklyar@gmail.com

Исследование выполнено при поддержке Фонда президентских грантов,
проект № 21-2-005440: «Женский монастырь в Томске:
погружение в реальность»

Анализируются роль и место сибирского монастыря в пространстве города на примере Иоанно-Предтеченского женского монастыря, существовавшего с 1876 по 1922 год в городе Томске, выявляются проблемы взаимодействия традиции монастырского строительства с секуляризирующейся культурой сибирского общества XIX века. С древности монастырь являлся фактором освящения пространства как города, так и прилегающих к нему территорий. В таком случае монастыри становились как бы «спутниками» города, находясь на его окраинах – месте взаимодействия с неосвященной окружающей территорией. Кроме того, существовала практика сооружения монастырей вне города, если речь шла о миссионерстве среди нехристианских народов. Процесс присоединения Сибири к Русскому государству идёт в условиях постепенной секуляризации культуры, нарастания влияния светского элемента. Поэтому известные традиции монастырского строительства продолжают существовать, но постепенно изменяются. Дальнейшая секуляризация культуры, а также государственная политика ограничения монашества, которую проводит правительство с XVIII века, приводят к тому, что сакральная и градообразующая роль монастыря как

духовного центра перестает восприниматься городским сообществом. К концу XIX века городские власти начинают воспринимать монастырь не как сакральный объект, а как конкурента города, претендента на городские земли. Анализ структуры и составляющих пространства Томского Иоанно-Предтеченского женского монастыря позволяет говорить о том, что ему в целом удалось сохранить символическую структуру пространства обители. Столкновение традиции и ценностей, которые представляет монастырь, с секулярной культурой приводит в начале XX века к разрушению монастыря, а затем к полной десакрализации его пространства. В условиях сложного отношения городского сообщества к монастырю как части пространства города, а также переформатирования бывшего пространства обители выходом являются историческая реконструкция и музеефикация территории бывшего монастыря.

Ключевые слова: городское пространство, символика, Томск, Иоанно-Предтеченский монастырь, строительство, архитектура, историческая реконструкция.

**SIBERIAN MONASTERY AND THE CITY SPACE:
PROBLEMS OF INTERACTION
(ON THE EXAMPLE OF THE TOMSK
SAINT JOHN THE BAPTIST CONVENT)**

Natalia I. Sazonova

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation
nataly-sib@mail.ru

Elena R. Fendel

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation
efendel@yandex.ru

Maxim V. Artamonov

Tomsk State University of Architecture and Building, Tomsk, Russian Federation
max271968@rambler.ru

Yaroslava Yu. Shklyar

Tomsk State University of Architecture and Building, Tomsk, Russian Federation
yaroslava.shklyar@gmail.com

The article analyzes the role and place of the Siberian monastery in the space of the city on the example of the Saint John the Baptist Monastery, which existed from 1876 to 1922 in Tomsk, reveals the problems of the interaction

of the tradition of monastic construction with the secularizing culture of the Siberian society of the 19th century. Since ancient times, monastery has been a factor of consecration of both the city and the adjacent territories space. In this case, monasteries became “satellites” of the city, being on its outskirts – a place of interaction with the unconsecrated surrounding territory. Monasteries were often built outside the city if missionary work among non-Christians was necessary. The accession of Siberia to the Russian state took place in the conditions of a gradual secularization of culture as a result of the growing influence of secular elements. Therefore, the well-known traditions of monastic construction continued to exist, but changed gradually. The further secularization of culture, as well as the state policy of restricting monasticism, which had been carried out by the government since the 18th century, led to the fact that the sacred and city-forming role of the monastery as a spiritual center ceased to be perceived by the urban community. By the end of the 19th century the city authorities began to perceive monastery not as a sacred object, but as a competitor to the city, a contender for urban lands. The analysis of the structure and components of the Tomsk Saint John the Baptist Convent estate suggests that the convent preserved the symbolic structure of a monastery land. The confrontation of monastery traditions and values with secular culture led to the destruction of the convent at the beginning of the 20th century and the total desacralization of its land. In the context of a complicated attitude of the urban community to the convent as a part of the city space, and considering the reformation of the monastery space, the proposed aim of the research is a historical reconstruction and establishment of a museum on the territory of the former convent.

Keywords: city space, symbolism, Tomsk, Saint John the Baptist Convent, construction, architecture, historical reconstruction.

DOI 10.23951/2312-7899-2022-1-127-152

Градообразующая роль монастырей, их влияние на ландшафт города как на христианском Западе, так и на Востоке достаточно часто привлекают внимание исследователей. Ещё М. Элиаде указывал на семантику храма как «центра мира», места «иерофании», духовной связи с Небом: «Храм постоянно вновь освящает Мир, так как он одновременно отражает и заключает его в себе. В конечном итоге именно благодаря Храму Мир полностью освящается. Как бы ни был грязен Мир, он постоянно очищается святостью алтарей» [Элиаде 1994, 44]. Именно поэтому с церкви начинается строительство города. Ну а иноческое общежитие придаёт смысловому центру поселения высшую сакральность. Неслучайно, например, в Московском Кремле с XIV по XIX век находилось до 5 монастырей.

И. В. Дюков указывает, что в Древней Руси монастыри, «подобно спутникам, окружали каждый русский город». Их строили на расстоянии 1–2 км, обычно по берегам рек [Дюков 2012, 386]. Так достигалась не только сакрализация пространства, но также освящение земли. В ситуации противостояния по линии «христианское–языческое» монастырь мог быть возведён и на более значительном расстоянии от города, как, например, Киевский монастырь Чуда Архангела Михаила, построенный в XI веке. Именно необходимость освящения земли вкупе с противостоянием язычеству, по мнению В. И. Ульяновского, предопределили положение этого монастыря, «возведённого далеко за городом в лесистой местности на крутом обрыве берега Днепра» [Ульяновский 2011, 47].

Подобное расположение впоследствии, уже во времена Московского царства, было особенно важно на вновь присоединяемых территориях, особенно если такое присоединение было сопряжено с боевыми действиями. Именно поэтому, например, присоединение Казани во второй половине XVI века начинается со строительства островной крепости Свияжск – не только военной твердыни, но также места расположения нескольких монастырей. А всего с XVI по XVIII век в Поволжье, как указывает А. А. Чибис, было возведено до 35 обителей, причём большая их часть основана не государственной властью (таких обителей было только 5), а церковными структурами и частными лицами [Чибис 2011, 57–58], что говорит о сложившемся понимании монастыря как духовной твердыни в условиях инославного окружения и в то же время – как своего рода средства освящения земли. Однако когда после присоединения Поволжья к Русскому государству начинается вхождение в его состав Сибири, ситуация начинает ощутимо изменяться.

Неосвящённая земля Сибири

Если многие историки понимают Казанскую войну Ивана IV как «священную», своего рода «крестовый поход», где боевые действия сочетались с утверждением православия [Зорин 2001, 9; Коровин 2009; Валеев, Валеева 2015], то присоединение Сибири в его активной фазе (с начала XVII века) идёт несколько в других культурных условиях. Недавно закончились события Смутного времени, серьёзно пошатнувшие духовные основы «Святой Руси». Происходит кризис идеи «Третьего Рима», так что присоединение новой территории постепенно перестаёт осмысливаться как её освящение. Это,

как свидетельствуют источники, вызывает серьёзные духовные проблемы. О них сообщал в Москву первый сибирский архиерей Киприан (Старорусенин). С ним во вновь образованную епархию в Тобольске были направлены 59 церковнослужителей. Однако, по его словам, «попы ехали все по сторонам, своим произволом, как кто хотел, для самовольства и пьянства». Приехав к епископу, они «подняли шум и слезы и вопли с женами и детьми и говорили – Бог судит их разлучника, кто разлучил их с домами, родом и племенем, да и едучи с Верхотурья по всем сибирским городам и в Тобольске тех своих речей не переменили <...> говорили непригожие слова про патриарха, а мне бесчестие многое учинили». Наконец, «24 января 1622 г. во время заутрени келейник, старец Никифор, певчие дьяки четыре человека, приноровя ключ, отомкнули замок у сеней, взломали ящик и вытащили из него денег 90 р., а так же однорядку английского сукна», после чего «побежали на Русь» [Буцинский 1891, 41–42].

Среди Тобольской паствы епископ Киприан также отмечает «великое нестроение» в плане духовной жизни – вплоть до неимения нательных крестов, несоблюдения постов. Такое поведение, как представляется, говорит прежде всего о статусе новой территории как *неосвящённой*. Однако и впоследствии, когда по Сибири возводятся православные храмы, она не становится «калькой» «Святой Руси», освящённой церквями, обителями, святынями: «бесчиние» православных, увиденное епископом Киприаном, конечно, со временем сглаживается, но сильный светский элемент в сибирской культуре остаётся. И хотя по традиции храмы строятся как первые здания новых сибирских крепостей – будущих городов, случаев одновременного (или, как было с Казанью, предшествующего) основания монастырей ради освящения территории иноческой молитвой уже почти не отмечено.

Показателен в этом смысле «Томский город», как называют документы XVII века нынешний Томск. Несмотря на то что старейший в Сибири Богородице-Алексеевский монастырь образован почти одновременно с основанием города, около 1605 года, он изначально не позиционировался как часть городского пространства, а был возведён в уединённом, удобном для монашеской жизни месте: при впадении речки Киргизки в Томь. По словам Д. Н. Беликова, «Усть-Киргизский монастырь занимал хотя и дикое, на чрезвычайно красивое местоположение <...> на которое нельзя не залюбоваться и ныне» [Беликов 1898, 3]. В этом положении особое внимание обращают на себя воды, символизм которых был хорошо

известен в русской традиции возведения монастырей, а также храмов. Например, М. В. Гладкая обращает внимание на водный символизм как фактор выбора местоположения храма Покрова на Нерли: «Символическая структура пространственной иконы Покрова на Нерли, наряду с храмом, вбирала в себя природные сущностные топосы: реку, водный поток, находящийся в постоянном движении, и разлив, олицетворяющий море <...>. Принципиально важно, что природная стихия, творящая “море”, имеет отношение к таким знаковым символам, как омоложение среды и обновление жизни. В этом смысле очищающие и жизнедающие свойства воды разлива обретают концепцию потопа, образа стихии творения, имея, таким образом, непосредственное отношение к сакрализации пространства» [Гладкая 2017, 424–425]. Та же традиция была хорошо известна и позже, когда именно «при водах», на острове среди Волги, был основан город Свяжск – духовный и военный форпост России в войне с Казанским ханством. Так, по словам В. Н. Калуцкова и О. Е. Штеле, в Свяжске «аквальные комплексы не только доминируют по площади, но и формируют обширное открытое пространство вокруг острова-града, подчёркивая визуальные доминанты Свяжска. Таким образом, сама природа преподносит остров для лучшего рассмотрения и созерцания. Многие исследователи отмечают, что Свяжск виден за 20 километров: во многом это связано с останцовым характером острова и его центральным положением в долине Волги» [Калуцков, Штеле 2018, 31]. Расположение томской обители у двух рек также свидетельствует о знании основателями установившейся традиции.

В 1660-е годы монастырь, однако, перенесли на место близ собственно Томской крепости. Водный символизм расположения обители не выдержал натиска обстоятельств – разливы рек оказались слишком катастрофическими, зачастую разрушавшими постройки. К тому же на одиноко стоящий монастырь постоянно нападали местные племена. При переносе монастыря, впрочем, попытались соблюсти другую традицию – расположение на возвышенном месте. По словам протоиерея Льва Лебедева, «в наиболее чистом виде образ Града Небесного осуществлялся в русских монастырях, особенно тех, что находились в стороне, вдали от шумных городов <...>. Такие монастыри, и наипаче те из них, что имели белокаменные стены и белокаменные храмы, увенчанные золотыми куполами, и воспринимались и были подлинно образами Града Небесного, возникшими на земле как напоминание и свидетельство о конечной цели христианского жительства – достижении вечного пребы-

вания с Богом в Его Небесном царстве и Иерусалиме Новом» [Лебедев 1995, 297]. Кроме того, была внешне соблюдена древнерусская традиция относительной близости обителей к городу. Хотя впоследствии монастырь, с расширением посада войдя в городскую черту, играл существенную градообразующую роль (его иноки служили на приходах городских церквей, с XVIII века здесь появилась первая в городе школа), его положение как *городской* обители было, как мы видели, в значительной степени вынужденным сложившимися обстоятельствами.

При этом ситуация Томска в плане соблюдения традиционного символизма постройки монастырей выгодно отличалась от происходящего в других сибирских городах. По мнению И. Маньковой, первоначально многие обители там формируются как «монастырьки», небольшие иноческие общины при приходских храмах. От возникновения такого сообщества до образования монастыря могло пройти до 60 лет. Сам же процесс основания иноческой общины (выделение земли, возведение храмов) часто не обходился без сопротивления местного населения или властей, что говорило о постепенной утрате представления о градообразующей функции монастыря и о городе как символе Небесного Иерусалима [Лебедев 1995, 289]. Пример тому – Туринск, где с 1620-х годов дважды делались попытки создать монастырь, однако они не увенчались успехом. Только с 1670-х годов трудами игумена Пахомия появился Николаевский монастырь, причём его обеспечение осуществлял сам Пахомий с доходов от личного хозяйства [Манькова 2016, 130].

С начала XVIII века на ситуацию общего неоднозначного отношения к монастырю в городском пространстве Сибири накладывалось изменение церковной политики государства. С царствования Петра I она направлена на ограничение прав монастырей, сокращение количества постригов, особенно в женских обителях. В отношении последних к XIX веку формируется особый порядок открытия, возможно, «подсмотренный» чиновниками Синода на примере Сибири, где первоначально формировались «монастырьки»: основанию монастыря должно было предшествовать создание общины, которая в течение хотя бы нескольких лет должна была доказать способность к самостоятельному существованию и «общественную пользу»; так, например, обязательными были социальное служение, благотворительность, просветительская и иная работа [Маврицкий 1879]. Лишь после этого Синод принимал решение о её преобразовании в монастырь. Серьёзной проблемой для таких общин были нахождение жертвователей, благотворителей, общая

бедность насельниц. Отдельной проблемой было надлежащее духовное руководство сёстрами.

В Европейской России многие из этих проблем решало участие в создании обителей известных монахов или авторитетных духовников из белого духовенства (наиболее известны в XIX веке прп. Серафим Саровский, основатель Дивеевской женской общины, прп. Амвросий Оптинский – Шамординской, прав. Иоанн Кронштадтский – Иоанновского монастыря в Санкт-Петербурге). В Сибири, где духовная жизнь была значительно менее интенсивной, решающей для обителей становилась купеческая благотворительность, а духовное руководство сёстрами осуществляли зачастую «белые» священники. Что же до собственно места основания – здесь ведущую роль играли не только благотворители, но также светские власти, распорядившиеся городской землёй. При этом зачастую происходило столкновение интересов. Не стал исключением и Томский Иоанно-Предтеченский женский монастырь, чьё создание приходится на вторую половину XIX века.

Обитель «при водах»?

Подобно ситуации с Богородице-Алексеевским монастырём, при основании будущей обители мы видим попытку соблюсти традицию основания монастыря «при водах». Инициатива создания женского монастыря (в архивных документах он также называется «девичьим») в Томске принадлежала местному купцу третьей гильдии Алексею Лаврентьевичу Ереневу (1787–1859). Он собирался устроить монастырь на свои средства и приобрёл для этой цели землю. Участок под строительство располагался рядом с его усадьбой по ул. Ереневской (ныне Пролетарской) на северной окраине Томска, в Знаменском приходе [Выписки 1851–1859, 24–25]. Местность находилась в непосредственной близости от реки Томи. Не исключено, что этот фактор, наряду с расположением близ усадьбы основателя, мог сыграть заметную роль при выборе участка для будущей обители.

10 октября 1853 года в Томскую губернскую строительную комиссию поступил рапорт архитектора [Выписки 1851–1859, 13–13 об.] об обследовании данного участка. В нём говорилось, что избранное для строительства женского монастыря место находилось на северной стороне города, было ровным, без оврагов и рытвин, длиной 120 (256,08 м) и шириной 80 (170,72 м) погонных сажень, площадью

9 600 квадратных саженей (43 717,98 кв. м). Помимо реки, с обеих его сторон на расстоянии от 50 (106,7 м) до 70 (149,38 м) саженей находились два небольших озера. Озеро с восточной стороны называлось Безымянным, с западной – Чёрным. При этом «при весенних водах, в особенности высоких, вода в озёрах по окрестности оных повышается тоже как полагать должно по указанию обывателей не менее трёх аршин (2,13 м), от чего место, назначенное под монастырь, покрывается водою наиболее с восточной стороны» [Выписки 1851–1859, 13–13 об.].

Таким образом, идея основания обители могла переключаться с общей идеей, отразившейся и в постройке находившегося «на водах» храма Покрова на Нерли, о котором говорилось выше. Однако губернская строительная комиссия её не оценила. 30 декабря 1853 года было вынесено решение: «Основываясь на вышеозначенных данных, строительная комиссия не может не признать с своей стороны, что место возле дома купца Еренева, на котором он предположил на собственный свой счёт воздвигнуть женский монастырь, может быть занято для этой постройки с тем, чтобы монастырские здания и самая церковь устроены были на самом возвышенном месте и чтобы вокруг всего здания прорезаны были водоотводные каналы и куветы. Устроенные простым образом по правилам строительного искусства, которых построение будет стоить весьма значительных издержек, равняющихся, быть может, расходам, потребным на возведение монастыря со всеми принадлежностями. Ежели на всё это устройство изъявит желание купец Еренев и ежели со стороны губернского начальства не встретится к тому препятствий» [Выписки 1851–1859, 20].

Однако препятствия нашлись: дальнейшее строительство обители затормозилось ввиду того, что подготовленные проекты, планы храма и монастырских служб исчезли в лабиринтах переписки местной и региональной властей. Не помогло также обращение сына уже скончавшегося купца, Ивана Алексеевича Еренева, к самому царю: документы не были найдены даже спустя несколько лет после того, как власти вынесли решение о возможности возведения обители (при условии соблюдения требований к её «возвышенному» положению и дренажу). Было ли это пассивным сопротивлением строительству – которое, кстати, должно быть вестись на частные, а не государственные средства, – или же речь идёт просто о непонимании значимости монастыря как одного из духовных центров города, во всяком случае происшедшее говорит об отсутствии интереса к проекту у городского сообщества того времени.

«Загородный»

Вторая попытка создания женского монастыря связана с основанием женской общины Е. И. Михеевой, купеческой вдовой. Как и Еренев, она открывала её на собственные средства, а также при содействии томских купцов И. А. Еренева и Я. И. Петрова-Родионова, пожертвовавших для общины несколько участков и капиталы. Кроме того, средства общины пополнялись менее крупными пожертвованиями тоже в виде капиталов, проценты с которых шли на содержание храмов, сестёр, духовного училища, а также на иное социальное служение. Разрешение на создание общины было получено в 1864 году, статус же монастыря удалось получить через 12 лет, в 1876 году.

Формально монастырь в первые годы считался «загородным». Описания его территории, сохранённые документами, говорят, что место было живописное, среди берёзовой рощи, ровное, без оврагов и впадин, довольно возвышенное по отношению к городской застройке, поэтому с балкона главного монастырского корпуса можно было видеть панораму города. Таким образом, в условиях, когда обитель нельзя возвести «на водах», для неё по крайней мере избрали возвышенное место, символизирующее монастырь как «Град Небесный». Кроме того, монастырь первоначально мыслился как удалённый от города на довольно значительное по тем временам расстояние. Однако впоследствии здесь всё же появилась городская застройка: город разрастался в южном направлении.

Ведомости о состоянии монастыря, в также фото XIX – начала XX века раскрывают особенности пространства обители. Они свидетельствуют о том, что представление о монастыре как «граде Небесном» в значительной мере продолжает сохраняться.

Смысловым центром монастырского пространства были, конечно, храмы. Прежде всего заслуживает внимания домовый храм св. Иоанна Предтечи, которому посвящена обитель (ил. 1), хотя её главные церкви имеют иные посвящения. Можно предположить, что такое посвящение монастыря могло быть связано с прежним вариантом его размещения – «при водах» Томи, подобно, например, Богоявленской церкви Томска, как старались строить храмы Крещения или св. Иоанна Крестителя. Ту же семантику воды как «прозрачного стекла» можно найти в цветовом решении монастыря, храмы которого были белокаменными. Например, говоря об Иннокентьевской церкви, документы отмечают, что «с внешней стороны церковь сияет привлекательной белизной», то есть побелена [Ведо-

мости 1892, 31 об.]. Таким образом, строители, хотя и не смогли возвести монастырь «при водах», всё же использовали белый цвет, соответствующий её чистоте, прозрачности, а также сиянию Небесного Иерусалима, улицы которого «как чистое стекло» (Откр 21:21). Готовясь к визиту цесаревича Николая Александровича, монастырь к 1891 году обновил внешний и внутренний вид храмов. При этом белизна стен сохранилась, а купол Иннокентьевского храма был окрашен в голубой цвет, что усилило символизм монастыря как «града Небесного».

Ил. 1. Домовая церковь в честь Усекновения главы святого Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. Южный фасад. Фото: © М. В. Артамонов, 2021

Первоначально община официально считалась «Иннокентьевской», как существующая при местной церкви свт. Иннокентия Иркутского (ил. 2). Иннокентьевская однопрестольная каменная церковь была выстроена и освящена в 1865 году, то есть через год после основания женской общины. Можно предположить, что посвящение храма во многом могло быть определено миссионерским характером деятельности свт. Иннокентия, занимавшегося распространением православия среди сибирских народов. Получается,

что земля Сибири некоторым образом всё ещё продолжала ощущаться как неосвящённая и требующая христианской миссии. Вместе с существенной удалённостью монастыря от города это как бы возрождало древнюю традицию обитателей в пустынных, неосвящённых местах. Вот только речь шла о давно входившей в состав Русского государства Сибири и городе Томске, имевшем более 30 православных храмов при нескольких десятках тысяч человек населения.

Что до внешнего вида храма, то искусство храмостроительства того времени предполагало возможность сочетания различных стилей и пропорций, эклектику. Основной доминантой храма, судя по сохранившимся фотографиям, была колокольня с довольно высоким шпилем и железной крышей. Квадратные в плане угловые пилоны, замыкающие композиции южного и северного фронтонов соответствующих фасадов, венчались изящными главками. Величественный силуэт основного купола, главок, шпиля и колокольни создавал законченный и изящный образ единства в лучших русско-византийских традициях того времени.

Ил. 2. Храм свт. Иннокентия Иркутского. Начало XX в.
Источник: <https://sobory.ru/photo/322536>

Сохранившиеся фотоснимки второго по времени возведения храма, Успенского собора (ил. 3), демонстрируют нам церковь, имеющую классические пропорции с элементами декора в стиле барокко (пластика мелких деталей). Возможно, храм строился по проекту архитектора Родиона Болбатова, составленному для женского монастыря ещё в 1849 году, когда первую попытку основать обитель сделал А. Еренев (однако изначальный проект здания утрачен ещё в 1850-е годы). Освящение главного Успенского придела состоялось 22 октября; боковые приделы во имя святителя Алексия, митрополита Московского, и святителя Иоанна, архиепископа Новгородского, были освящены 20 сентября 1870 года и 5 сентября 1871 года соответственно [Ведомости 1897, 81]. С учётом того, что церковь построена сыном А. Еренева, Иваном Алексеевичем, посвящения приделов понятны и связаны с небесными покровителями попечителей обители.

Ил. 3. Успенский собор. 1898 год. Источник: <http://elib.tomsk.ru/page/8514/>

Композиционные особенности Успенского храма можно проанализировать на основе фотоснимков. Различные ракурсы дают нам возможность говорить о следующем архитектурно-конструктивном решении: традиционно над средокрестием располагался четверик, увенчанный восьмигранным световым барабаном с четырьмя оконными проёмами. Сверху размещался купол с луковичной главкой. К четверику основного пространства храма примыкали боковые приделы и трапезная. Три подкупольные апсиды обращены на восток. Центральная апсида Успенского придела заметно шире и выше остальных. Каждое из трёх алтарных пространств имеет по два оконных проёма. Храм имеет три входа: один с запада, в основании колокольни, и два боковых – с северной и южной сторон. Доминанта здания – колокольня. Первый ярус колокольни, примыкающей к трапезной, состоит из четверика, двух боковых объёмов (притворов) и крыльца (паперти). Второй и третий ярусы колокольни – также четверики. Завершение колокольни состоит из восьмигранной криволинейной купольной кровли с высоким шпилем.

Предположительно шпиль Успенского храма мог достигать в высоту более 42 м, основные параметры по продольной оси составляют около 22 м, поперечной – более 20 м, диаметр купола – около 7,3 м, высота подкупольного пространства – около 18 м [Чернышёв 2005]. Таким образом, Успенский собор относился к типу крестово-купольных бесстолпных храмов.

На территории обители также находились две часовни (ил. 4). Обе были возведены над могилами почитаемых, но пока церковно не прославленных праведников, живших в Томске. В монастырских документах 1892 года упоминается часовня на могиле «Домнушки» [Ведомости 1892, 33–33 об.], то есть томской блаженной Домны Карповны, канонизированной в 1984 году. Часовня находилась у северных врат Иннокентьевской церкви. За её алтарём располагалась возведённая в начале XX века (освящена в 1912 году) каменная часовня преподобного Серафима Саровского. Она стояла над склепом-усыпальницей почитаемого в Томске старца-священника Феодора Краснопевцева. Таким образом, наряду с Богородице-Алексеевским мужским монастырём, где был погребён старец Феодор Томский (также церковно прославленный уже в конце XX века), обитель позиционировала себя как один из сакральных центров Томска, место погребения известных, уважаемых горожан. Этот мотив дополнительно усиливался тем, что за алтарями Успенского собора и Иннокентьевской церкви начиналось монастырское кладбище, где погребали как благодетелей обители, епископов, так и известных в городе людей.

Ил. 4. Панорама монастыря. 1891 год. Источник: <http://elib.tomsk.ru/purl/1-5903/>

Монастырь и мир, камень и дерево

Таким образом, территориально удалённая от города обитель продолжала оставаться связанной с ним духовно. Во многом символична её ограда, которая традиционно маркировала выделенность монастырского пространства из мира. Уже к 1868 году (хотя юридически речь шла не об иноческой обители, а о женской общине при храме свт. Иннокентия Иркутского) ограда, как свидетельствуют источники, была возведена по крайней мере до половины, так что башни уже начали вырисовываться с двух углов [Ведомости 1869]. Вход в монастырь находился с западной стороны. Он был оформлен в виде каменной арки, которую венчали три вызолоченных купола с золотыми крестами. К 1881 году «Ведомость» о состоянии обители уже сообщает о полностью построенной ограде, возведённой И. А. Ереневым [Ведомость 1881, 13]. Ограда окружала обитель с южной, восточной и западной сторон, а с северной стороны к монастырю примыкали огород и роща.

Наличие огорода и рощи имело не только утилитарное значение (обеспечение сестёр продуктами). Д. Маркарян отмечает характерное для русского монашества «пейзажное мышление, состоящее в трепетном отношении к окружающей природе как Божьему

творению. Святая обитель и человек не мыслились вне природного пространства и первозданной божественной среды. Эстетическая связь архитектуры, садов и роц показывала структуру творения как место спасительного освящения» [Маркарян 2018, 108]. Вместе с тем именно эта часть монастыря, расположенная от улицы Пирогова до нынешней улицы Усова (Буткеевской), между улицами Вершинина (Торговой) и Студенческой (Апполинарьевской), была обнесена деревянной оградой, сохранявшейся до начала XX века [Ведомости 1906, 30]. Камень – своего рода символ вечности, именно поэтому даже скромные монастыри тяготели к кирпичным постройкам. Выбор материала в данном случае маркирует стремление утвердить монастырь как часть Вечности уже на земле. Деревянное же ограждение не ставило символически непреодолимой преграды между обителью и миром. Преграды этой не было и фактически, ведь на территории общины, а с 1876 года – монастыря, не только имелись здания, связанные с функциями социального служения, но и строились новые.

Так, после 1876 года (года получения статуса монастыря) было построено здание специально для училища, в котором обучались девочки-сироты духовного звания. А в 1892 году при монастыре был открыт детский приют трудолюбия и Дом трудолюбия для женщин.

Фотоснимки, относящиеся к первой половине XX века, демонстрируют нам двухэтажный особняк в стиле модерн довольно внушительных размеров. Здание было окружено огородами и расположено в монастырской берёзовой роще, в северной части монастыря среди хозяйственных и жилых построек. Дом трудолюбия соединялся с домом игуменьи теплым деревянным переходом. В 1898 году игуменьей Зинаидой была устроена монастырская больница (первоначально на 6 мест) с аптекой. [Ведомости 1906, 38–39; Ведомости 1907, 152 об.].

Проблема места в городе

Несмотря на то, что статус монастыря был получен женской общиной лишь спустя 12 лет по основании, документы свидетельствуют: в сознании как обывателя, так и властей, а также церковного священноначалия община с момента создания рассматривается как монастырь, официальный статус которого понимается лишь как вопрос времени. Так, община изначально подчинялась благочинному монастырей Томской епархии (им был настоятель Богородице-

Алексеевского мужского монастыря), а документы уже 1868–1869 годов, при отсутствии юридического статуса монастыря, именуют её «обителью» (по сути, синоним слова «монастырь» используется в данном случае как своего рода эвфемизм). Например, начальница общины Е. И. Михеева называется «Попечительницею и Начальницею сестёр, изъявляющих желание поступить в ново-учреждённую общину для испытания их способности к общинно-обительным послушаниям» [Ведомости 1869, 139 об.]. Согласно монашеским общежительным уставам решаются также все конфликты, проблемные вопросы. Так, документы общины 1869 года содержат рапорт Благочинному монастырей об «увольнении» из числа послушниц Евдокии Николаевой. По словам начальницы общины, она удаляется из общины «по старости лет и болезни», а также «по неспособности исполнять общежительных послушаний по неполному рассудку, так что неоднократно приводила в беспокойство и тревогу всех сестёр своими странностями и самовольными отлучками из обители» [Ведомости 1869, 14]. Таким образом, сама начальница называет общину «обителью», а порядки в ней определяет как фактически монашеские, характерные для «общежительного устава» (например, к числу обычных монашеских правил относится запрет на самовольные, без благословения, уходы из обители).

Будущим монастырём считают «обитель» также городские власти Томска, а потому самоопределяются в отношении к ней и её месту в городском пространстве именно с учётом этого статуса. Сама удалённость общины от города изначально говорит о некотором потенциале конфликтности в отношениях с властями Томска. Первое столкновение происходит непосредственно по образованию собственно монастыря (1876), при уже второй его начальнице, игуменье Серафиме. С 1876 по 1889 год продолжалась длительная тяжба с городскими властями, которая хорошо показывает отношение городского сообщества к монастырю.

Основательница общины, Е. И. Михеева, по принятии ею монашества (1869) пожертвовала под будущий монастырь два небольших земельных участка. Однако с дарением возникла проблема: в 1870 году Синод отказался принять землю в духовное ведомство, так как жертвовательницей являлась монахиня, а по существовавшему законодательству монах не мог иметь собственности. Таким образом, жертвовательнице следовало передать общине землю до, а не после пострижения. Теперь же земля считалась «вымороченной», так что сама её бывшая собственница не могла ею распоряжаться. В 1877 году мать Евпраксия скончалась. Таким образом, как

в 1880 году пишет в прошении на имя городского головы З. М. Цыбульского игуменья Серафима, возникла сложная ситуация «вследствие недоразумения, по коему покойная мать Евпраксия полагала, что может совершить акт передачи земли после принятия монашеского сана» [Документы 1877–1889, 23]. Как игуменья, так и духовной консистории выходом казалось решение Городской думы о закреплении земельных участков за монастырём.

31 октября 1881 года состоялось обсуждение вопроса на заседании Городской думы. В ходе него депутаты разделились на желающих поступить «по закону» и «по справедливости». В итоговом постановлении говорится, что «хотя по закону город имеет право получить землю, но по справедливости следует уступить в пользу монастыря <...> так как земля та <...> последним владельцем передана монастырю, но лишь с нарушением установленных законом правил» [Документы 1877–1889, 1 об.–2]. Однако то же постановление фиксирует и результаты тайного голосования депутатов: 33 депутата проголосовали за то, чтобы оставить землю за городом, и только 3 – за то, чтобы передать её монастырю. Дума постановила: поручить управе распорядиться о передаче земли городу.

Однако в течение последующих лет обитель, судя по всему, продолжала фактически пользоваться участками и не выполнила думского постановления. Поэтому в 1884 году городская управа обратилась в Томский окружной суд. Последовала пятилетняя тяжба, закончившаяся решением высшей судебной инстанции, Сената, о признании незаконности дарственной, которой игуменья передала землю, но также о праве монастыря владеть землёй на основании давности. Характерно, что юристы городской управы не раз пытались оспорить полномочия представлять обитель, которые имела игуменья Серафима, на основании её статуса как монахини. Абсурдность обвинений такого рода была столь очевидна, что суд даже наложил штраф на управу «за неправо вчинение иска» [Документы 1877–1889, 94–99]. Однако впоследствии подтвердить его решение должен был Сенат, куда также было подано прошение юристами города. Получить участки в собственность монастырю удалось только в 1889 году. Таким образом, в общей сложности тяжба продолжалась с 1870 (с момента отказа Синода принять участки Михеевой в духовное ведомство) до 1889 года, то есть 19 лет, став примером противостояния городской власти и монастыря, причём управа выступала с достаточно агрессивных позиций, вплоть до постановки под сомнение правомочности участия обители в судебных процессах.

Ил. 5. Духовное училище. Фото: © М. В. Артамонов, 2021.
Здание находится на «спорной» земле, о которой шла тяжба с городом

Показательны также результаты голосования депутатов Городской думы, которые говорят о силе антицерковных настроений – притом что обитель не получала государственных денег и несла социальное служение, например содержала Духовное училище, под которое планировались спорные участки (ил. 5). В целом можно сказать, что городское сообщество воспринимало монастырь как чуждый ему элемент городского пространства.

Спустя три года последовала ещё одна тяжба – уже о других участках. Они представляли собой давнее, ещё 1864 года, пожертвование купца И. А. Еренева, а находились также на тогдашней окраине Томска, в районе, именовавшемся «Новой деревней». В марте 1892 года Томская городская управа подала в Окружной суд прошение о признании этих участков собственностью города как переданных монастырю ошибочно. Основанием для такого заявления стал Генеральный план Томска, где участки были обозначены как городские. Дело об участках тянулось три года. Город Томск требовал взыскать с монастыря убытки за многолетнее неправомерное пользование городской землёй. Видимо, речь шла об арендной плате, которая взималась с местных домовладельцев в пользу обители, составляя несколько сот рублей ежегодно. 31 декабря 1892 года

Губернский суд отказал городу в иске, так как земля по закону находится в собственности обители уже по праву давности, а не по актам. Управу подвергли штрафу за неправомерный иск. В ответ управа обратилась в Сенат, который, однако, подтвердил решение Губернского суда. В процессе тяжбы городская управа вновь ставила вопрос о неправомерности представления интересов монастыря игуменьей, так что и по этому поводу Сенат должен был давать разъяснения. Окончательно тяжба прекратилась только в 1894 году [Документы 1877–1894, 56–57 об.]. И это дело с очевидностью свидетельствует о негативном отношении городских властей к монастырю и серьёзных юридических трудностях, которые испытывала обитель. О сложностях же личного общения с властями остаётся лишь догадываться. Таким образом, к концу XIX века монастырь однозначно воспринимается городскими властями не столько как сакральный объект, наделённый глубокими смыслами, сколько как «претендент» на земли, «конкурент».

Ещё одно свидетельство неуважения к обители со стороны уже губернских властей содержится в Ведомостях о состоянии монастыря за 1898 год. К этому времени монастырь владеет 11 участками в разных районах города и его окрестностей, в основном используя их или для сдачи в аренду, или для социального служения. Один из них, находившийся в 5 верстах от города, близ спичечной фабрики, был подарен купчихой Натальей Андреевной Хромовой в 1870 году. На этом участке губернатор без согласия монастыря возвёл приют для детей переселенцев. Уже постфактум, когда приют был возведён, была достигнута договорённость о плате 100 рублей в год за аренду, но плату губерния не вносила ни разу [Ведомости 1898, 35]. О том, пыталась ли обитель оспорить незаконные действия светской власти, по сути, самовольный захват частной земли, данных не сохранилось.

Таким образом, к концу XIX века, очевидно, относится полная утрата значительной частью городского сообщества представлений о градообразующей, духовной, культурной миссиях монастыря в городском пространстве. Происшедшее в начале XX века уничтожение монастыря (в 2022 году исполняется 100 лет с момента его закрытия) представляется вполне логичным.

Пространство бывшей обители: современное состояние и перспективы

В 1920-е годы храмы монастыря были разобраны, деревянная галерея, соединяющая трапезную с домовым храмом Иоанна Пред-

течи, часовни над индивидуальными погребениями, монастырское кладбище утрачены. Территория монастыря в восточной и северной частях застроена студенческими общежитиями.

Внешний вид зданий в значительной степени изменён в результате многочисленных перестроек. В настоящее время сохранились следующие постройки: здание иконописной мастерской, училище монастыря (2-й корпус), лазарет-аптека (ил. 6), домовая церковь, странноприимный дом, дом игуменьи, трапезная (3-й корпус монастыря), фрагмент западной стены с проёмом. Все эти постройки в советские годы от уничтожения спасло лишь то, что они были отданы под жильё для студентов и преподавателей политехнического института. Сохранившимся зданиям бывшего монастырского комплекса был присвоен статус памятников истории и архитектуры регионального значения (постановление Главы администрации Томской области от 08.07.1997 № 205).

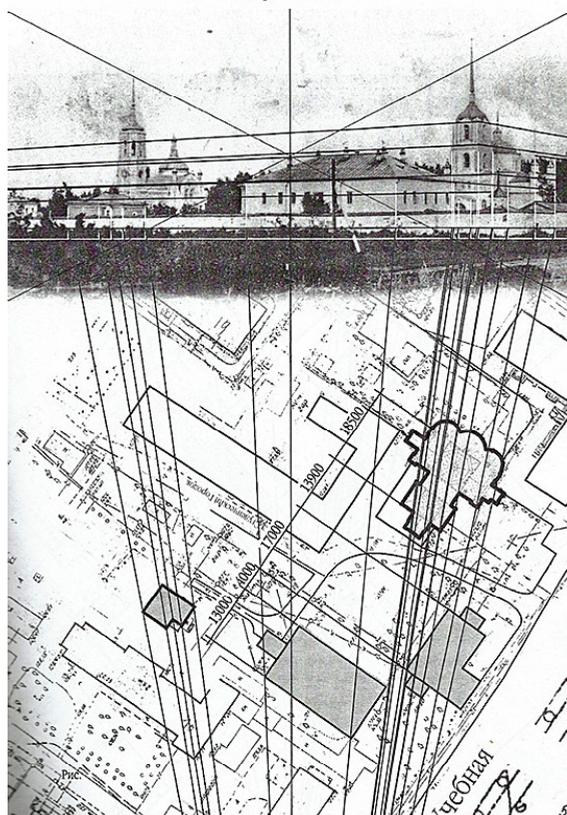

Ил. 6. Лазарет-аптека. Фото: © М. В. Артамонов, 2021

В 1996 году, во время паспортизации объектов монастырского комплекса, профессором ТГАСУ Ю. П. Нагорновым и краеведом Г. В. Скворцовым была выполнена графическая реконструкция

монастырского комплекса, цель которой – восстановление планировочной структуры монастыря, утраченных построек и градостроительных доминант. По панорамной фотографии была выполнена привязка храмов монастыря к местности (ил. 7). Благодаря проведённой работе отчётливо видно влияние советского периода на структуру монастырского комплекса: какие постройки утрачены, какие сохранились. Вместе с тем до настоящего времени не удалось найти планы, проекты монастырских храмов и других зданий обители, практически утрачен её архив, хранившийся при Иннокентьевской церкви, а фонд монастыря в Государственном архиве Томской области составляет только 40 дел, сохранив малую часть делопроизводственной документации монастыря. Всё это крайне затрудняет научную реконструкцию пространства бывшей обители.

Выявление натуральных размеров Успенского собора
(вариант №1)

Ил. 7. Графическая реконструкция Успенского собора. © Выпускная квалификационная работа Чернышева А. Д., рук. Яблонская М. А., ТГАСУ 2004

К 100-летию Томского политехнического института, в 1996 году, на территории бывшего монастыря выстроена и освящена часовня блаженной Домны Томской. В процессе проведения земляных работ для закладки фундаментных блоков часовни были вскрыты и зафиксированы участки каменных фундаментов и ограды Иннокентьевской церкви. В 1997 году был выполнен проект реставрации одного из зданий комплекса – трапезной. Был восстановлен первоначальный облик здания с сохранением ранее существовавших функций – трапезная, молитвенный зал, жильё для семинаристов, помещения для занятий [Чернышёв 2005]. Летом 2021 года в рамках проекта Фонда президентских грантов «Женский монастырь в Томске: погружение в реальность» были проведены полевые и камеральные работы по сохранившимся объектам, составлены глазомерные чертежи (кроки), проведена фотофиксация, сделаны зарисовки фасадов зданий, планов этажей по согласованию с собственниками, фрагментов, деталей и пр. В ходе исследовательских работ на многих памятниках зафиксированы значительные повреждения в кирпичной кладке, глубокие трещины, обломы, утрата уникальных элементов декора.

Использование сохранившихся зданий по их историческому назначению пока не представляется возможным. Многочисленные разрушения в ходе эксплуатации объектов в качестве жилых помещений привели к тому, что конструкции кровли иконописной мастерской, второго монастырского корпуса, дома игуменьи подверглись частичному уничтожению.

Внутриквартальная территория на сегодняшний день представляет собой пространство, заполненное металлическими гаражами и жилыми домами постройки 50–70-х годов XX века (общежития, жилые дома по ул. Учебной и ул. Усова). Многочисленные перестройки, проведение инженерных коммуникаций, неконтролируемый тепловой режим внутри зданий привели к значительным разрушениям. Кроме того, ул. Учебная является магистралью городского значения и на сегодняшний день имеет большую загазованность и транспортную нагрузку.

Вместе с тем сохранились некоторые элементы пространства монастыря, которые могут стать основанием для исторической реконструкции. К настоящему времени существует концепция создания «Исторического парка» на территории бывшей обители с реконструкцией исторической среды с применением так называемого «ограниченного преобразования», что предполагает по возможности восстановление исторических объектов, вписывание

их в существующее на данный момент городское пространство [Харченко 2012]. Понятно, что речь идёт не о воссоздании пространства обители с его символическими характеристиками, а лишь об исторической реконструкции, предполагающей сохранение культурной памяти, но не преобразование существующего городского пространства. Одним из элементов парка должна стать виртуальная 3D-реконструкция исторической среды – хотя бы ввиду невозможности реконструкции физической.

Сейчас, как в далёком уже от современного человека XIX веке, в Томске действует один – мужской Богородице-Алексеевский – монастырь, полностью восстановить который удалось за последние десятилетия. При этом городское сообщество, как и в XIX веке, продолжает сохранять крайне неоднозначное отношение к «вторжению» храмов и монастырей в городской ландшафт.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Беликов 1898 – *Беликов Д. Н., прот.* Старинные монастыри Томского края. Томск: Пар. типо-лит. П. И. Макушина, 1898.
- Буцинский 1891 – *Буцинский П. Н.* Открытие Тобольской епархии и первый тобольский архиепископ Киприан. Харьков, 1891.
- Валеев, Валеева 2015 – *Валеев Р. М., Валеева Р. Р.* Успенский собор Свяжска во всемирном и российском культурном наследии // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 4–1. С. 30–35.
- Ведомости 1869 – Ведомости о состоянии монастыря и женской общины Томской Иннокентьевской церкви // Государственный архив Томской области. Ф. 175. Оп. 1. Д. 44.
- Ведомости 1892 – Ведомости, сведения о состоянии мужского и женского монастырей, о монашествующих сестрах женского монастыря за 1892 год // Государственный архив Томской области. Ф. 175. Оп. 1. Д. 119.
- Ведомости 1897 – Ведомости о Иоанно-Предтеченском женском монастыре за 1897 год // Государственный архив Томской области. Ф. 177. Оп. 1. Д. 10.
- Ведомости 1898 – Ведомости о состоянии Томского Богородице-Алексеевского мужского монастыря и Иоанно-Предтеченского женского монастыря за 1898 год // Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 1. Д. 1129.

- Ведомости 1906 – Ведомости и сведения о состоянии мужского и женского монастырей, послужные списки за 1906 год // Государственный архив Томской области. Ф. 175. Оп. 1. Д. 180.
- Ведомости 1907 – Ведомости и сведения о состоянии мужского и женского монастырей, послужные списки за 1907 год // Государственный архив Томской области. Ф. 175. Оп. 1. Д. 181.
- Ведомость 1881 – Ведомость о монашествующих сестрах Томского Иоанно-Предтеченского женского монастыря за 1881 год // Государственный архив Томской области. Ф. 177. Оп. 1. Д. 2.
- Выписки 1851–1859 – Выписки из журналов заседаний строительной комиссии и переписка с Томской городской управой о строительстве женского монастыря в г. Томске. 1851–1859 // Государственный архив Томской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 868.
- Гладкая 2017 – *Гладкая М.* Священные воды в пространственной иконе Покрова на Нерли // *Святая вода в иеротопии и иконографии христианского мира / ред.-сост. А. М. Лидов. М.: Феория, 2017. С. 415–435.*
- Документы 1877–1894 – Документы о пожертвовании начальницей Томского Иоанно-Предтеченского женского монастыря игуменьей Евпраксией земельных участков в пользу монастыря и женского училища (выписка из журнала заседаний консистории, доклад, переписка, рапорты). 1877–1894 // Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 4. Д. 146.
- Документы 1877–1889 – Документы о разделе имущества монахини Е. И. Михеевой (Евпраксии) после её смерти (постановления, план места Иоанно-Предтеченского женского монастыря, квитанции, переписка, описание имущества) // Государственный архив Томской области. Ф. 233. Оп. 2. Д. 119.
- Дюков 2013 – *Дюков И. В.* Градостроительство Руси в XI–XV вв. // *Теория и практика общественного развития. 2013. № 11. С. 385–388.*
- Зорин 2001 – *Зорин А. И.* Города и посады дореволюционного Поволжья. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001.
- Калуцков, Штеле 2018 – *Калуцков В. Н., Штеле О. Е.* Выявление ландшафтного своеобразия и оценка природного наследия территории острова-града Свяжска и его ближайшего окружения в связи с номинированием его в качестве объекта всемирного наследия ЮНЕСКО // *Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. Естественные науки. 2018. № 3 (31). 29–42.*
- Коровин 2009 – *Коровин В. Д.* Свяжский Успенский монастырь в контексте социально-экономической, политической и религиозной

- истории Казанского края в середине XVI – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.
- Лебедев 1995 – *Лебедев Л., прот.* Москва Патриаршая. М.: Столица, 1995.
- Маврицкий 1879 – *Маврицкий В.* Руководственные для православного духовенства указы святейшего правительствующего Синода: 1721–1878. М.: Тип. М. Н. Лаврова и К., 1879.
- Манькова 2016 – *Манькова И.* Монастырь в пространстве сибирского города // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2016. № 1. С. 120–134.
- Маркарян 2018 – *Маркарян Д. А.* Некоторые особенности архитектурно-ландшафтного комплекса древнерусского монастыря // Вестник РГГУ. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение. 2018. № 3. С. 99–110.
- Ульяновский 2011 – *Ульяновский В. И.* Чудо-Михайловский монастырь в Киеве: проблема посвящения, символики и статуса // *Rossica Antiqua*. 2011. Вып. 2. С. 43–101.
- Харченко 2012 – *Харченко Е.* Градостроительные преобразования жилых территорий // Вісник Придніпровської державної академії будівництва та архітектури. 2012. № 12. С. 61–66.
- Чернышёв 2005 – *Чернышёв А. Д.* Графическая реконструкция Успенского собора: Дипломный проект / ТГАСУ; рук.: архитектор М. А. Яблонская. Томск, 2005.
- Чибис 2011 – *Чибис А. А.* Монастыри правобережья Казанской земли во второй половине XVI – первой половине XVIII вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2011.
- Элиаде 1994 – *Элиаде М.* Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994.

Материал поступил в редакцию 29.10.2021

Материал поступил в редакцию после рецензирования 08.12.2021